

Ирина
Игнатова

Ирина Игнатова

Вольтер

«Автор»

2026

Ирина Игнатова

Вольер / Ирина Игнатова — «Автор», 2026

Жила-была семья в захламленной хрущевке: родители, трое детей и бабушка по прозвищу Зло. Однажды ночью кто-то из домашних убил бабушку...

© Ирина Игнатова, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ирина Игнатова

Вольер

Глава 1

Семейство Смолиных вносило немалый вклад в страдания человечества главным образом из-за ненормальной неходячей бабушки, которую за глаза называли Злом. Ее настоящее имя почти забыли. Она олицетворяла собой такую свободу от любых проявлений разума и здравого смысла, что хоть в бронзе увековечивай. Она могла бы два года по пятнадцать часов в сутки записывать то, что ненавидит, а дальше у нее закончились бы известные слова. Она могла бы быть консультантом по вопросам безумия. На сей момент она выполняла чисто декоративные функции, лежа на чемоданах с палкой, противогазом и чужим пиджаком в охапку.

Служителем Зла была мать семейства, дочь Зла, которую звали Эльвира. Она отбыла пятьдесят пять лет срока жизни и напоминала большую печальную амебу. Ее муж, Аркадий Смолин, был невысоким остролицым человеком с татуировкой «Зина» на кисти руки.

Их дети — старшая Диана и близнецы Лида и Стас — представляли собой разные типы людей. Пятнадцатилетний Стас был сильным, как буйнопомешанный, на досуге занимался тем, что выпивал с друзьями, а также с периодическим успехом играл в карты. Он отличался умом. В том смысле, что ума было на редкость мало. Школьные знания он считал редкостной заразой и стремился всеми силами избавиться от них. Его сестры определенно пошли в отца: обе тонкогубые, остроносые, светловолосые. Старшая была довольно высокой, носила на шее легкий шарфик и собирала волосы в хвост, что придавало ей вид интеллигентный, а младшую, среднего роста, от глупого вида не спасали даже очки, и ходила она со светлыми прямыми патлами до плеч.

Близнецы учились в девятом классе, а Диана постигала профессию медсестры в медколледже неподалеку. Все вместе долгие годы нарушали санитарные и моральные нормы.

Семейство объединялось на почве взаимной ненависти, старательно взращиваемой Злом. В проявлениях злобы можно было выделить некоторые закономерности: когда все орут друг на друга — жизнь в норме, а когда замолкают — значит, дело серьезное. Итогом любого скандала становились драки: на кухне лежала даже специальная тряпка для вытирания крови, вся твердая от постоянного использования. Диана как-то посчитала, что лично она за год приняла участие в ста четырех драках дома. Она не учитывала вечные поколачивания костылем, которые устраивало Зло просто так. Если учитывать, то доступные разуму цифры скоро закончатся.

Последний нормальный день в трехкомнатном хрычовнике Смолиных начался и закончился как обычно. Подумаешь, кто-то сломал Священную Спичку. Делов-то.

Как и обычно, утро началось с того, что дежурный по квартире — а это был Стас — заорал: «Подъем!». Семейство Смолиных, включая неходячую бабушку, подскочило так, будто на минах подорвалось. Было бы неверно думать, что подскочило оно с кроватей. Зло спало на своих старых чемоданах, набитых хламом. Боясь, что их украдут, она предпочитала спать на них. С учетом того, что ходить она не могла уже несколько недель, охрана чемоданов была идеальной, жаль только, что все развонялось. Стас спал на сдвинутых вместе шести старых неработающих холодильниках, служащих теперь шкафами, Лида спала на раздвижном столе, а Диана — на двух лежащих рядом шкафах, в которых бабушка хранила целую коллекцию сапог, изготовленных ее отцом около сорока лет назад. Сапоги потихоньку разлагались все эти сорок лет и имели запах довольно неприятный, поэтому шкафы эти никто не открывал, благодаря этому Диана с чистой совестью не убирала одеяло и подушку с них. Дверная ручка всякий раз упиралась ей в поясницу, доставляя несущественный дискомфорт.

Родители троих детей, Эльвира и Аркадий, спали на продавленном диване, больше похожем на гамак, а сама бабушка — традиционно невдалеке от них, надев противогаз с хоботом и укрывшись кителем своего покойного мужа, умершего больше тридцати лет назад. Диван был примечателен тем, что на них были зачаты два поколения Смолиных. Оба как на подбор несчастные.

Семейство подскочило с импровизированных кроватей и судорожно принялось одеваться. Стас соскочил с холодильников, с грохотом приземлившись на доску для ночного сверления, и побежал на кухню делать обязательные четыре бутерброда для каждого члена семьи. Эльвира утверждала, что плотный завтрак необходим для хорошего здоровья. Тот факт, что среди Смолиных утром никто не мог заставить себя проглотить более чем половинку бутерброда, в расчет не принимался. Из какой-то эмоции по отношению к Эльвире, возможно, из чего-то вроде уважения, семейство дружно давилось сухими бутербродами и запивало их крутым кипятком. Для профилактики простудных заболеваний, ну и заодно из садизма. Чтобы как-то мотивировать семью на утреннюю пытку едой, было придумано состязание: все садились за стол, дежурный по квартире засекал время, и тот, кто первый управится со своей порцией, получал право не завтракать на следующее утро. Обычно состязание выигрывала Эльвира, которая испытывала меньше проблем с завтраком. Совершенно стандартными были драки детей, считающих свои порции несправедливо большими и видящими в этом козни дежурного по квартире. На этот случай на кухне лежала специальная тряпка для вытирания крови из разбитых носов. Хуже приходилось, если кто-нибудь сдирал с бабушки противогаз и пытался душить его хоботом дежурного. Тогда бабушка начинала верещать дурным голосом, что она умрет из-за того, что надышится ртутью от разбитого двенадцать лет назад градусника. Чтобы заглушить звонкий старушечий голос, Аркадий включал электрическую дрель.

Сразу после Первой Утренней Войны дети уходили на учебу. Чуть позже Эльвира уезжала на Комаровский завод оптики, а Аркадий — на другой завод, где трудился бухгалтером. Бабушка оставалась лежать на чемоданах и в противогазе. Вне дома все они вели себя прилично, зная, что с ними не все гладко. Необходимость скрывать большую часть жизни вьелась в плоть и кровь, поэтому Смолины были кем-то вроде микробов за пределами дома. Исключение составляло разве что Зло в годы работы, но и она там сдерживалась. Прослыла чудовищем, конечно, но это она еще держала себя в руках.

В последний нормальный день, следуя распорядку, дети отбыли срок в школе от звонка до звонка. У Стаса не происходило ничего интересного. То ему морду набьют, то он кого-нибудь приложит лицом об стол. Его сестра училась в параллельном классе по просьбе родителей: близнецы не шибко ладили меж собой, и их сразу рассадил по разным классам, что было комфортно для всех. У Лидии одним из немногих жизненных утешений были разговоры с подругой.

Ее одноклассница и хорошая подруга Катя Горбатова выглядела совсем не так, как будто утюгом проглаженная Лидия. Катя могла бы быть привлекательной даже в костюме химзащиты и противогазе. Изящная фигура, темные волосы, почти черные непроницаемые глаза — все это делало ее первой красавицей едва ли не всей школы, но она относилась к знакам внимания снисходительно (конечно, если вообще их замечала). Она относилась к тому мизерному проценту женщин, от вида которых самолеты падают, машины останавливаются, а прохожие столбенеют и сворачивают себе шею, глядя им вслед. Но вот такая проблема, у нее тоже жизнь не задалась с самого рождения и последние пятнадцать лет была довольно паршивой. Перспективы были еще хуже.

Лидия плюхнулась за парту и протерла слегка запотевшие на октябрьском воздухе очки.

— Как дела дома? — вместо приветствия спросила Катя.

— За утро подрались всего один раз, Зло уверяет, что я ее бью, Дианка травит ртутью, а Стас спер фуражку деда.

– Правда спер?

– Нет, конечно. Мы даже ей показали ту фуражку — не верит, говорит, подменили. Что интересно, родители больше поверят ей, так как она старше нас. А у тебя как?

– Отсмотрела паранойю братца. С двух кубов наркоты он просто кидается на всех с гантелей, а с трех — сносит дверь легким движением руки. Изящно, я б сказала, просто закачаешься. До сих пор удивляюсь, почему он стал наркоманом, а не алкашом, как все родственники.

– Не все. Ты на их фоне...

– Урод в семье со своей непереносимостью алкоголя, — привычно закончила Катя. — А еще мы все уже трое суток смотрим сны про обрушения и землетрясения, потому что у соседей сверху ремонт. У них еще ремонтная бригада топчет. Звучит так, будто к бегемотам пришли носороги и устроили дискотеку.

– Подкинь им листик с угрозой навести порчу, если шум не прекратится.

– Уже. Не испугались. Надо им в почтовый ящик опарышей подкинуть.

– Жестоко.

– Или взять ртуть у твоего Стаса? — усмехнулась Катя.

– Лучше заberi нашу бабулю. Можно по кусочкам. Я помогу и приплачу.

– Давай придумаем, что еще можно с ними сделать. Что-то в рамках закона.

– Это сложнее, — вздохнула Лида. Затем кое-что пришло ей в голову: — Натрави брата, раз у него паранойя. Ему ж пофигу, кого бить.

– Он никого не слушает. Не в состоянии.

– Может, это с твоими словами что-то случилось, и они не доходят до него?

– Не... Ты же понимаешь? И все остальные меня тоже понимают. Значит, дело в нем.

Возвращаемся к соседям.

– Подари им банку маринованных поганок.

– В рамках закона же...

– Запенить дверь монтажной пеной, да и денег стоит.

– Не совсем законно.

– Последняя идея. У вас окна выходят с ними на одну сторону? Отлично. Берешь швабру и ночью разбиваешь им окно шваброй. Никаких свидетелей, орудие стоит дома и дальше.

– А это мысль! Спасибо.

Звонок на урок возвестил о начале химии, которую обычно называли «хихимия» из-за веселого характера учителя. Лидия любила химию, Катя же предпочитала уроки английского, неплохо ей дававшегося.

Время идти домой настало как всегда слишком рано. Как обычно, они отправились в Тайный Дом, как Лидия называла дом неподалеку от школы, возле которого можно было наблюдать чужие тайны. Кто-то из учеников рвал дневник и жег страницы, одолжив зажигалку у курящих здесь тайком, парочки от шестого по одиннадцатый класс обжимались возле каждого подъезда (в среднем, две штуки на один подъезд), еще кто-то с большой долей вероятности устраивал мордобой с кем-нибудь. В некоей мере это был филиал школы. Сходство усугублялось тем, что ни здесь, ни в школе никто не занимался учебой. Сорок четвертая школа вообще слыла не самой благополучной.

Каждый день Катя и Лидия ходили делать уроки на чердак второго справа подъезда. Там было намного тише и спокойнее, чем дома, да и меблировка получше. Свет там с боем пробивался через запыленное окошко, пауки повсюду расположили свои аванпосты, обещающие смерть случайной мухе, доски поскрипывали сами собой, даже если никто не наступал на них. На счастье визитеров, на чердаке имелось несколько очень старых стульев, а не картонных коробок, набитых хламом, как дома. Вместо стола на чердаке был лишь верх картонной коробки, который можно было положить на колени.

Лида поставила учебник на подоконник, положила на колени картонку, на нее — тетрадь, и приготовилась вникать в таинства химии. Из-под подкладки в сумке она достала карандаш. Длинный. Новый. Дома такие были под запретом — каждый карандаш Аркадий лично разрубал на три части. Чтобы в пылу ссор никто никого не заколол. Ручки покупались только толстые — с той же целью. По той же причине в доме не было металлических ножей, вилок, а также бьющейся посуды. Лидия осмотрела карандаш. Деревяшка длиной в 17 сантиметров — символ неповиновения обезумевшим родственникам.

Что ее держало дома? Здравый смысл.

Идти в детдом или обращаться в органы опеки Лидия не могла бы при всем желании: Эльвира и Аркадий старательно кормят детей, иногда даже насильно, дают им карманные деньги, заботятся об их благополучии — даже балкон заколотили, чтобы никто никого не выбросил оттуда, а заодно и сам не выбросился.

Стас в тот день выбился из колеи обыденности: его позвал домой один из друзей, чтобы рассчитаться по поводу карточных долгов. Стас впервые в жизни увидел нормальную квартиру. Без шести холодильников, с телевизором (Стас таких аппаратов никогда не видел вживую, только на картинках). Но ему не стало завидно. Ведь он как будто попал на экскурсию в другой мир. Есть ли смысл завидовать тому, чего у тебя гарантированно не было и не будет?

Эльвире пришлось в очередной раз вытерпеть раздражающие вопросы практикантов:

- Вы работаете здесь почти тридцать лет?! И ни разу не хотели уйти?
- Да, я здесь почти тридцать лет. Нет, уходить я не хочу. Меня все устраивает.
- И все время на одной должности?
- Да, все время, – терпеливо отвечала она.

Должность, пусть и невысокая, действительно ее устраивала. Человеком она была тихим, место свое знала и больше всего на свете не хотела высовываться.

Аркадий в бухгалтерии сидел также тихо, как Эльвира на своем заводе, и закончил день вполне стандартно.

Унылые от неотвратимости возвращения домой, представители младшего поколения Смолиных увидели друг друга уже возле подъезда. Диана попыталась мягко отстранить копавшегося в сумке Стаса, с тем, чтобы открыть дверь самой.

– Пошла ты, слышь, а?! – огрызнулся он. За что и получил удар по почкам.

Подошедшая Лидия благоразумно не вмешивалась. Ей хватит и шрама на бицепсе, полученного еще во младенчестве, когда Диана, уставшая от ее воплей, попыталась разрезать ее и посмотреть, что там испортилось. Наконец, Стас нашел ключ и открыл дверь. Сам он проскочил первым и побежал по лестнице. Неужели он так торопился домой?! Ответ оказался много проще: поднявшись на пролет, он швырнул в Диану каким-то учебником. Все равно для иных целей он их не использовал. Старшая сестра пришла в бешенство, догнала брата и приложила его головой о подоконник.

А дома все вновь пошло своим чередом.

Стас как всегда бестолково слонялся по квартире, Диана развешивала по комнате схемы анатомии человека. Лидия, также мечтавшая связать жизнь с медициной, была вынуждена делать вид, будто занята уроками, но находила выход из положения: она вкладывала справочник в какой-нибудь учебник. Со стороны смотрелось так, будто она в поте лица штудирует какой-нибудь школьный предмет, а на деле упивалась симптоматикой сибирской язвы. Раздел токсикологии был уже заучен почти наизусть, особенно ее прельщали отравления тяжелыми металлами.

Бабушка, будучи эталоном бодрости, страшным голосом верещала и требовала найти ключ от третьей комнаты, куда обычно запрещалось ходить. Однако раз в месяц устраивались

«экскурсии» в эту комнату, служившую музеем умершего мужа бабушки. На кровати – его разбросанные вещи, которые никто не трогал с того дня, как он скончался от очередного припадка бешенства (несомненно припадок был вызван неумеренным смотрением в телевизор, но никак не цистернами водки, которые он годами в себя вливал); в шкафах – его одежда, на полу — выпавший из покосившегося шкафа томик воспоминаний маршала Жукова. В этот раз экскурсия предполагалась этим вечером, но ключ от комнаты куда-то задевался. Музей был единственным помещением без смотрового окошка в двери, через которое снаружи можно было увидеть все, что происходит в комнате.

Аркадий вернулся традиционно раньше супруги, взгромоздился на стол, служащий «лежбищем» Лидии по ночам, отвернулся к стене и принялся читать объявления о продаже подержанных автомобилей. Денег на машину и даже на мопед у него не было, но ему нравился сам процесс изучения объявлений.

Лидия уже в сотый раз перечитывала раздел, посвященный обсессивно-компульсивным расстройствам, когда произошло то, что в понятии Смолиных было сравнимо с сигналом немедленной всеобщей эвакуации. Зазвонил телефон.

– Кто возьмет? – взвинченно спросил Стас, резко переставая отжиматься от пола. – Я уже дежурил!

– А кто ближе к выходу? – невинным тоном осведомилась Лида. Диана в ответ насмешливо посмотрела на них и поправила шарфик.

Трубку взял отец, которому явно надоел звон. Судя по всему, кто-то попросту ошибся номером. Вот только самоотверженному отцу семейства сейчас придется несладко. По теории тещи, лежащей здесь мрачным укором, излучение от телефонных разговоров нужно вымывать из организма, выпив сразу после вынужденного разговора не менее литра воды. Пить нужно было при ней или просто при свидетелях, желательно, при нескольких. Потому что семья, как она говорила, базируется на взаимном доверии, которое нужно подтверждать. Поэтому в межкомнатных дверях были прозрачные вставки из небьющегося стекла (Николай Смолин отвалил за них чертову кучу денег), Аркадий и Эльвира спали в проходной комнате под бдительным взором бабки, и по первому же требованию кого угодно из членов семьи другой был обязан вывернуть карманы и поделиться тем, что понравится обыскивающему. Например, Стас всегда мог потребовать этого от Аркадия, равно как и дочери.

– Тебе нужно вымывать излучение! – сказала бабка. – Иначе ты станешь инвалидом, и не сможешь нас кормить. Неси сюда воду.

Аркадий послушно принес литровую банку воды и выпил ее, стоя перед тещей. Не хотел провоцировать очередной скандал. Та внимательно отсмотрела весь процесс.

– Хорошо, – оценила она. – Только не пытайся выблевать воду, как это обычно делает Стас. Я все слышу.

Диана раскрыла дверцу тумбочки, чтобы взять следующий учебник, подвинула стопку книг и обомлела. Кто-то сломал лежавшую в глубине Священную Спичку. Диана близко поднесла к глазам две щепочки — сомнений не было: кто-то просто разломал Спичку!

Все стало необратимым.

Священная Спичка помогала ей держаться на плаву. Когда-то Диана поклялась, что сломает ее, лишь когда все станет действительно невыносимо плохо. Много раз она доставала Спичку и клала обратно — все было не так кромешно плохо. А теперь Спичку — оплот ее независимости — сломали!

Смолины дружно обыскивали вещи друг друга, поэтому Диану не удивило то, что кто-то нашел Спичку. Потрясло то, зачем сломали. Никто же не знал о ее значении для нее. Или все же знал?... Анатомия надолго вылетела у нее из головы.

Эльвира вошла, громыхнув дверь. Как и на приход Аркадия, никто не отреагировал на ее появление. Диана в сотый раз прописывала на листочке латинские названия артерий ради

лучшего запоминания, Стас увлеченно пытался встать на руки и с грохотом валился на пол, Лида пыталась вообразить какое-нибудь новое обсессивно-компульсивное расстройство.

Бабка беспокойно стреляла глазами по сторонам, лежа в позе психованного эмбриона. Никто не давал повода для скандала. Что-то они затеяли, эти бесноватые, вон как затихли... А не придаться ли к поведению дочери?

– Эля, подойди сюда.

Дочь безропотно подошла к матери, стараясь выглядеть максимально святой.

– Что происходит? – спросила мать, теребя хобот противогоза в руках. Ногти были огромными, и она не позволяла их стричь. Равно как и расчесывать себя. И мыть. Гигиену она всегда недолюбливала, считая ее мракобесием.

– Ничего.

– Я же вижу, что вы что-то задумали. Отвечай матери!

– Мы ничего не задумали, – кротко сказала Эльвира.

– Ах ты тварь паскудная! – заорала она и ударила ее палкой. Эльвира и сама прекрасно понимала, что дело шло к избиению, но разве станет она мешать маме? Старуха продолжала избивать ее, но она с места не сдвинулась. Только руками прикрывалась.

– А твои выродки что делают? Почему ты не следишь за этими уродцами? – спросила бабка чуть потише. Но палку она не выпустила из цепких рук с нестриженными грязными когтями (сущие скальпели, а не ногти).

– Они делают уроки.

– Врешь, тварь, – прошипела старуха.

– Они делают уроки.

– А почему они так тихо сидят? Они вообще живы?

– Они делают уроки.

– Ты со своим козлом подбила их добывать ртуть!

На этот раз даже Эльвира отскочила от мощного удара клюкой.

– Они там градусники разбивают и делают склад ртути! – орала бабка. – Они меня травят! Вы все хотите наследство!

Бабка завывала в течение полутора часов. За это время Эльвира ушла на кухню и сварила сосиски, Аркадий с места не стронулся – везде слышимость одинаковая – а вышедший в туалет Стас огреб клюкой по лицу, когда проходил мимо. Было непонятно, что хуже, форма или содержание старухиных воплей. От таких криков в Андах наверняка сходили лавины, и неважно, что источник воплей находился в России.

Старуху пришлось успокаивать. При длительности истерики более полутора часов полагось успокоение. Лида отбирала палку, что было похоже на восточное единоборство, Эльвира и Аркадий переворачивали бабушку на живот, Стас прижимал ее, чтобы не вырывалась, а Диана связывала ей конечности. В этот раз пришлось вдобавок вдавливать бабкину голову в подушку, а то уж больно громко она верещала. Когда она была ходячей, то вырывалась энергичнее. Повезло, что слегла, хотя бы впятером получалось справиться. Назвать ее овощем в полном смысле слова было сложно, ей больше подходила кличка «бешеный огурец». Диане не давала покоя мысль сдать старуху на органы или продать по дешевке при условии самовывоза для тренировки навыка эвтаназии.

После успокоения можно и спокойно поужинать. Эльвира сварила по две сосиски на каждого члена семьи. Ужин был обязательным совместным мероприятием, не менее ужасным, чем завтрак. Принимать пищу полагалось всем вместе, чтобы никто не пытался голодать и уж тем более не заболел анорексией. Поэтому каждый смотрел буквально в рот другому. Поскольку у сосисок был сильный привкус бумаги, аппетит уходил быстро и далеко. Но есть было нужно во избежание конфликтов. Все в этой семье делалось во избежание конфликтов. И ничего не удавалось.

Аркадий вздохнул и погладил себя по сытому животу. Украдкой взглянул на татуировку «Зина» на руке и вновь вздохнул.

После ужина все вернулись к своим обычным занятиям. Эльвира традиционно легла и уснула. Если она не спала, то ела, и наоборот. Иногда мылась, но это было редко. Лиде почему-то тоже очень хотелось спать, и в ее сознании фобии причудливо переплетались с фебрильной шизофренией. Интересный гибрид получился. Стас вяло изображал, будто делает уроки — он их «делал» всегда вечером, при свидетелях. Чтобы потом никто не смог обвинить его, будто он ничего не учил. Учил, вы же видели! А то, что тупой, так все из-за ртути! Бабуля подтвердит, а в доказательство шарахнет кого-нибудь, кто сомневается. Из аргументов лучше всего тот, что приведет к увечьям.

Ровно в десять вечера начиналась подготовка ко сну. Семья должна была дружно лечь спать в 22:22. Якобы магия чисел должна сделать сон здоровым. Если кто-то не успевал лечь в назначенный срок, то утром получал штрафной бутерброд. Диана судорожно мыла посуду, Стас застилал всем постели, развязанная бабушка пыталась попасть костылем ему в глаз, но он прибегнул к испытанному средству: сунул Лидии в руки свою недельную заначку, чтобы она отвлекала удары на себя.

Эльвира сидела на диване и смотрела в стену, с которой уже лет десять как отпадали грязные обои, когда-то наклеенные в складочку и криво, — это было также интересно, как смотреть на происходящее вокруг. Аркадий громовым голосом предупреждал всех о сегодняшнем ночном сверлении.

Будущему убийце все это надоело не просто до смерти, а до смерти агрессора. Было бы странно, если бы не надоело. Придется совершить убийство, чтобы добавить радости в жизнь. Убийце даже не пришлось готовиться вступить в столь важный этап жизни, чего там готовиться, когда нервная система давно в руинах.

Семейство легло в 22.21, и Эльвира торжественно погасила свет. Чтобы уснуть, полагалось лечь на спину, положить руки поверх одеяла и закатить глаза — якобы тогда и минуты не проходит, как человек засыпает. Диана нашла свой способ протеста против общей ненормальности: она не закатывала глаза. Честно говоря, остальные делали также.

В эту ночь должна была дежурить бабка. В эту ночь все стало необратимым еще раз.

Все спали, лишь посреди ночи Аркадий слышал какую-то приглушенную возню, но значения не придавал, уж больно спать хотелось.

А вот утром можно было бы смело ломать Священную Спичку. Жизнь перешла на еще более паршивый уровень. В одной из комнат расцвела преступность. Бабка была мертва. Убита. И это было ясно даже Эльвире. Когда все наперекосяк, жизнь становится динамичнее и интереснее, вот сейчас как раз настал такой момент.

Строго говоря, привыкшие к рутине Смолины просыпались вовремя и без воплей дежурного. В этот раз первой проснулась Эльвира, удивилась, почему дежурный не выполняет своих прямых обязанностей, подошла к своей матери, чтобы спровоцировать скандал, и... заорала во всю мощь немалых легких. Спавший до того личный состав семейства подскочил так, будто прозвучал сигнал немедленной эвакуации.

— Что такое? — вскинулся Аркадий.

— Господи... — только и могла вымолвить Эльвира. Бога здесь отродясь не бывало, да и дьявол побоялся бы сунуться.

— Да что случилось-то? — не выдержала Лидия, подходя поближе и включая свет. — Ого...

Бабка лежала мертвая, с торчащим из шеи шприцом. В верх дверного косяка была воткнута металлическая вилка. А на лбу убитой поверх противогаса лежал острый осколок зеркала. Странно, обычно все самое паршивое случалось по четвергам, сегодня произошло какое-то нарушение мироздания. В четверг могло произойти что угодно, но произошло сегодня, во вторник. Это ж какой тогда будет четверг? Интересная неделька намечалась.

– Все, с концами? – осведомился Стас. – То есть можно не завтракать и в школу не идти? – в голосе его проскочила еле сдерживаемая радость. – Всегда бы так... А в виде трупа ей лучше.

– Ты тоже в дохлом виде был бы куда лучше, чем живой, – сказала Лидия.

– Меня больше интересует, откуда взялась вилка, не говоря уж о зеркале, – сухо заявил Аркадий. – А теперь еще и график сбился... – удрученно заключил он.

– Как она так умудрилась в себя шприц воткнуть? – подала голос Лида. – И откуда его взяла, если не могла ходить?

– Это не она. Это в нее воткнули, – отозвался Аркадий. – Она бы не дотянулась почти до верха дверного проема, чтобы воткнуть вилку. Получается, это сделал кто-то из нас, потому что дверь заперта на засов, а на окнах решетки. Тем более она не ходила и взять шприц ей негде.

Хоть Смолины и жили на четвертом этаже, но на окнах были приваренные намертво решетки. Чтобы никто не влез и никто не выбросился из окна. Второе было куда важнее. Если бы кто-то вылетел из окна, как бы они сохранили видимость нормальной семьи? Что сказали бы люди?

– Слышите, что теперь делать? – спросил Стас, все еще не в состоянии унять радость.

– Вызывать «Скорую», – сдавленно произнесла Эльвира. – А пока выдернуть вилку, шприц, убрать зеркало...

– Зачем? – скептически буркнул Аркадий. – Если кого-то из этих спиногрызов посадят, будет легче жить.

– А если это не они, а ты? – спросила его Эльвира.

– Кажись, аваруха! – шепнул Стас все еще вне себя от привалившего счастья.

– Хрычовка сдохла, а ты смеешь радоваться?! – рявкнула на него Эльвира. – Постыдился бы, она все же родная! Она тебя даже в тюрьму не упекла за ртуть в супе, а ты ее ненавидишь! Лучше бы ты сдох вместо нее!

«Сколько раз повторять, что металлическая ртуть при приеме внутрь безвредна?» – мысленно простонала Диана. Блеск вилки был тусклым, мол, еще долго повторять. Диана еле заметно вздохнула.

– Вопрос остается: что делать дальше? – напомнила Лида. – Сообщать ли в полицию, что это убийство?

– Нет. Сами разберемся и найдем того, кто это сделал, – категорично заявила Эльвира, верная своему синдрому заложника.

– Найдем, и что сделаем? – уточнила Лидия.

– Посмотрим. Для начала надо найти убийцу.

Никто не задался вслух вопросом, на кой черт разыскивать благодетеля. С другой стороны, надо же знать, перед кем пресмыкаться впоследствии за такой героизм.

Уборкой вещдоков занялась Диана как студентка медучилища, то есть как самый привычный к трупам человек. Она спрятала их в отдельный пакетик, а его положила в шкаф, где хранились сапоги. Остальные участники балагана под названием «Семья Смолиных» слонялись где попало и в большинстве своем мысленно порхали от счастья, что диктатор умер и что не надо завтракать. Все сделали похоронный вид непонятно ради кого или чего. Наверное, отдавали дань приличиям, забыв о том, что горе и сожаление надо показывать перед теми, кто приедет регистрировать умершую. Впрочем, изовравшиеся люди обладают прекрасными актерскими данными и врут даже тогда, когда это не требуется. Исключительно ради поддержания квалификации, ну и немного ради удовольствия.

– Убрала? – спросила Лида. Сестра кивнула.

– Как же здорово, что теперь не надо пить литр воды после разговоров по телефону... – мечтательно протянул Стас.

– Я вызову кого надо, – направилась к телефону Эльвира. Тем самым она получила привилегию первой опробовать разговоры без вымывания излучения. Исторический момент или что-то вроде того.

Она разыграла первоклассную истерику, разговаривая с диспетчером «Скорой», сохраняя абсолютно каменное лицо. Своим отсутствием мимики она гордилась не меньше, чем бабка тем фактом, что ни разу в жизни не шутила.

– Сейчас приедут.

До приезда врачей, уже бесполезных для покойной, Диана начала разбираться в шкафу с сапогами и складывать отдельные экземпляры в мусорные пакеты. По квартире распространилась вонь. Лида спешно прятала справочник, чтоб никто не увидел, что она его читает. Стас взволнованно рассматривал труп и отскребал грязным пальцем кровь с укольной точки на шее умершей. Эльвира вяло расчесывалась; Аркадий переделывал график ночных дежурств подобно одержимому диспетчеру.

– Встретьте кто-нибудь врачей! – крикнула Эльвира. – Лида, тебе делать нечего, сходи.

На холодном воздухе осеннего мрачного утра было даже легче. Не было запаха, собственного лежачим больным и который пропитал всю квартиру особо сильно, ибо бабка лежала в проходной комнате. Не было видно отпадающих обоев с узоров во что-то непонятное. Не было ненормальных вокруг, и это главное. То, что было, это «звук» тихо падающих редких снежинок. Даже проезжающих машин не было.

Лида сняла очки и с сожалением подумала, что сегодня не удастся посидеть с Катей на чердаке. Затем ее огорошила мысль о том, что, возможно, больше не придется ходить на чердак.

Это стоило убийства. А еще Лидия сможет наконец-то надеть припрятанный в Тайном Доме черный пиджак в горошек, который она собиралась носить только после того, как жизнь изменится к лучшему. Удивительное дело, оптимизм оправдался, этот день нужно отмечать каждый год. Не в каждой жизни такое происходит. Не сказать, что этот пиджак превращал ее в секс-символ, но он определенно был ей к лицу.

Глава 2

Эльвира сделала верный вывод, что умирающие неходячие пенсионеры не вызывают никакого интереса у служб, регистрирующих покойников. Совершеннейшая рутина.

Никто ничего не заподозрил. Пожалуй, стоит вынести благодарность Стасу за то, что качественно стер след от укола на бабкиной шее. Пусть не завтракает пару дней.

Сотрудники «Скорой» были изрядно удивлены тем, что Зло спало на чемоданах и в противогазе, но списали это на маразм. Обстановку квартиры тоже списали на маразм. Когда врачи хотели записать имя умершей, его даже не сразу вспомнили – настолько привыкли звать ее Злом. Вера Антоновна, как выяснилось.

Похороны прошли довольно скучно. Отплясывать было бы странно, вызвало бы косые взгляды от соседних похорон. Всем не терпелось уйти с промозглого продуваемого всеми ветрами кладбища. Никто из знакомых не пришел на церемонию закапывания Зла – оно и понятно, ведь умершая обладала необычайно склочным характером. Странно, что нашлись люди, согласные нести ее гроб хотя бы за деньги.

Из числа родственников приехала только ее сестра из Брянска, до самого конца оставшаяся в полном неведении относительно причин смерти Зла. И по ней сразу было видно: младшая сестра Зла. К счастью, приехала она всего на сутки. Но и этого хватило с верхом. Для начала она заявила, что нужно сохранить весь хлам хотя бы в знак памяти. На предложение Стаса забрать его себе, она ответила решительным отказом. Однако ее черствое сердце не устояло перед сломанной грязной заплесневелой маслобойкой семидесятых годов.

Гостья не упустила случая дать десяток советов как воспитывать детей, а также проехаться по каждому. Эльвиру она спросила, как поживают ее пролежни с ее последнего отпуска (в отпуске у нее всегда были пролежни, однажды началась даже застойная пневмония). Аркадию она задала вопрос о том, не собирается ли он начать работать, а то уж больно вид у него придурковатый и ленивый.

У Дианы она потребовала диагностировать на глазок все ее болезни и дать рекомендации, как их лечить. Но она не изменила привычке молчать, и двоюродной бабушке пришлось остаться ни с чем, несмотря на сорок минут нытья и преследований Дианы.

Стаса она долго пыталась, какую профессию он выберет себе, и так не удовлетворилась стандартными отговорками, что он хочет быть менеджером, что бы это ни значило. По ее мнению, лучшей профессией для него стала бы профессия комбайнера или тракториста.

Добравшись до Лиды в последнюю очередь, потому как она усердно делала вид, будто готовится к урокам, гостья для начала пожалела ее, что родилась она нежеланным ребенком. Не добившись реакции, она принялась сокрушаться по поводу того, какая Лидия худая.

– А вы наоборот, – парировала Лидия, которой изрядно надоели бонусные издевательства.

– Ну ничего, зато в очках выглядишь умной.

– Вас даже очки не спасут, – сухо сказала Лидия. Родственница неожиданно отстала. Лидя обрадовалась: людское самолюбие способно творить чудеса, если на него правильно нажать.

Провожать сестру Зла выпало Аркадию и Стасу. Первый тащил ее сумку, с которой та приехала, второй волок маслобойку в пакете, втихоря хихикая над тем, как удивится муж незваной гостьи, увидев этот музейный агрегат.

Усадив сестру покойницы в поезд (как ни странно, в нужный, хотя оба испытывали желание либо положить ее на рельсы, либо отправить куда-нибудь подальше, желательно в другую страну), Аркадий с сыном отправились домой. Шли они по разным сторонам тротуара. Разговаривать им было не о чем, а совместное перемещение в пространстве подразумевало разговоры, поэтому хождение по разные стороны дороги устроило обоих.

Дома они застали картину, которая удивила даже их, ко всему привычных.

Эльвира орала на дочерей, утверждая, что обязана сохранить десятилетиями копившийся хлам ради памяти матери. Раз уж та при жизни не получала достаточно уважения, значит, должна получить хоть какие-то знаки почтения после смерти. Лидия остервенело доказывала, что в могиле бабке уже все равно, что она получила, а что нет. Эльвира же утверждала, что, раз они привыкли спать на холодильниках и шкафах, то могут делать это и дальше.

Аркадий со Стасом переглянулись (на краткий миг даже возникло взаимопонимание, и они могли бы сказать, что являются членами одной семьи в нормальном понимании этого слова) и синхронно вздохнули.

– Тихо! – впервые в жизни гаркнул Аркадий, отчего спорщицы притихли. – Бабку, что, зря убили?! Она сдохла, а мы будем продолжать жить как беженцы?

– Отлично сказано! – одобрила Лида. – Чего ради держать дома непарные сапоги сорокалетней давности? А дореволюционный самовар?

– Жалко же, – промямлила Эльвира.

– Как бы сама не достукалась, – многозначительно произнес Аркадий. – Зачем, по-твоему, убили старуху?

– Выбрасывайте. Все вышвыривайте, кретины проклятые! – сдалась Эльвира. – Только самовар оставьте...

– Господи... – украдкой взмолилась Лида. Толку-то.

– Что сначала: расследование или уборка? – спросил Аркадий.

– Уборка. Там хоть головой думать не надо, – отозвался Стас.

– Да ты вообще думать не умеешь, молчи уж, – добродушно отозвалась Лида.

– А ты – овца нестриженная!

– А ты ощипанный баран, – припечатала сестра и приступила к вытряхиванию хлама из холодильника.

Чего там только не было! Было платье сестры бабки, в котором она сорок лет назад поступала в институт (об этом извещала аккуратно приколотая булавкой записка), рядом с платьем валялись детские вещи Эльвиры, которые рвались от того, что их брали в руки, а посреди этой рухляди лежала чья-то засаленная кепка с дохлыми вшами внутри. Это нечто выбросил Аркадий, попутно уронив еще несколько коробок. Воспользовавшись моментом, Стас втихаря вышвырнул два длинных платья самых шизофренических фасонов. Возможно, их хранили в качестве музейных экспонатов. Отдельного упоминания заслуживала коробка, набитая обрывками разноцветных тряпочек. Однако по степени непрактичности чемпионат холодильника выиграла соседняя коробка, в которой хранились рассыпающиеся в труху детские рисунки неясно чьего авторства. Стас неосторожно задел труху рукой, отчего поднялось облако пыли. Половина облака вмиг забила ему в нос. Тогда он запаковал коробку и вынес сразу на помойку. Во многом потому, чтобы Эльвира не увидела и не передумала. Диане повезло обнаружить обкусанную кем-то книгу «Практическая гинекология» 1956 года выпуска. Снизу была приписочка, что книга предназначена для широкой публики. Страшно подумать, кто из семейки был гинекологом-любителем при полном отсутствии людей, как-то связанных с медициной. Хорошо, что этот некто был не проктологом-любителем. Диана с полминуты пребывала в раздумьях, выбросить этот гинекологический бестселлер или оставить. Любопытство пересилило. Может, книга увлекательно написана. У некоторых авторов интереснее про тромбоцитопению читать, чем у других про приключения.

Находки Лиды были не столь странными, более того, ничего неожиданного ей не попалось. Она выволокла на помойку несколько десятков непарных сапог из лежащего шкафа, вот и все.

Когда Аркадий с Эльвирой разгребли то место, где должен был быть старый стол, то были несколько удивлены, в самом деле найдя там стол.

К вечеру семейство устало и полностью забило один мусорный бак. Но это была приятная усталость, да и сознание еще не отпускала эйфория от смерти диктатора. Эльвира разогрела магазинные блинчики. Если сосиски имели сильный привкус бумаги, то блинчики были с пылью. Неизвестно, что лучше.

– Так как у нас насчет благодарности убийце? – спросил за ужином Аркадий. – В любом случае, кто бы это ни был, этот человек заслуживает уважения. Убийца решился на то, на что не мог решиться ни один человек. Убийца избавил нас от гнета диктатора-самодура.

Эльвира согласно кивала на каждом слове пафосной речи.

– Предлагаю убийце самому назвать себя, чтобы мы могли знать в лицо своего героя! – провозгласил Аркадий. В нем определенно были задатки неплохого телеведущего. Ему было просто интересно посмотреть, чем дело кончится, вот он и принимал посильное участие.

– А зачем вообще тогда расследовать, раз никакого наказания убийце не будет? – спросила Лидия.

– Говорю же: мы должны знать героев в лицо. Ну? Кто готов сознаться? – задал вопрос Аркадий.

– Как раз хотела сказать, что я этого так не оставлю, – решительно заявила Эльвира. – Она была моей матерью: пусть сумасшедшей, пусть она поломала не только мою жизнь, но я отдаю ей дочерний долг. Я найду убийцу.

– Ты ее действительно любила? – спросил Стас. В силу своей толстокожести он не колебался в обращении к ней на «ты», тогда как его сестры испытывали желание обращаться к матери на «вы». Диана до четырех лет искренне полагала, что ее мама немая, потому как слов от нее не слышала. Занимались Дианой в основном Зло и Аркадий.

– Да, потому что я ее дочь, а дети должны любить родителей.

– Но ты же сама говорила, что она тебе жизнь сломала... – продолжил Стас.

– Ему тоже, – мать ткнула толстым пальцем на мужа. – Думаешь, он вообще хотел жениться? Она обещала отмазать его от органов – у нее там связи были – взамен он должен на мне жениться. Нас с ним она не особо спрашивала. Я у нее одна осталась – вот она и занялась мной вплотную.

– Твоя сестра же пропала? Кажется, сбежала? – спросил Аркадий. Диана поправила шарфик, прикрывающий исполосованную шрамами шею.

– Слабовольная дура, вот она кто, – неожиданно резко заявила его жена. – Предатель, и не более того.

– Когда человек сбегает от невыносимых условий – это нормально, – подала голос Лидия.

– Мы жили точно также, как сейчас. Это еще не повод убегать. Она тем самым предала свою мать, которая возлагала на нее надежды. А вообще нас трое было. Я одна осталась.

– Трое? – в голос спросили остальные присутствующие. Диана ограничилась тем, что прищурилась и подготовилась внимательно слушать.

– Брат еще был. Петр. Он вообще отмочил глупость: в четырнадцать лет специально кого-то убил и сел в колонию, только чтобы избавиться от нас. Мама от него отсеклась, и с тех пор говорила, что у нее две дочери. Я старшая, он средний, а Сонька — самая младшая. После его побега мама усилила контроль за нами, чтобы всякая дурь не лезла в головы, но Сонька все равно пропала. Как только поседела, так и ушла. Ей восемнадцать должно было исполниться через два дня. Может, ее похитил Фехтовальщик. Поделом ей, – последними словами Эльвира подвела итог под необычайно длинной для себя речью.

За столом повисла тяжелая паутина тишины. Диана думала, что раньше мать никогда не говорила целыми абзацами, Лида пребывала в тихом шоке от услышанного. Стас занялся последней сосиской. Аркадий в очередной раз подумал, что более незнакомого человека, чем его жена, он не видел никогда в жизни.

– Хотя вскоре после исчезновения Соньки был найден труп работы Фехтовальщика, – продолжила Эльвира. – Тело не опознали. Мы тоже ходили на опознание, и до сих пор нет уверенности, что это она. Рост и комплекция сходны, но настолько исполосована ножом, что никаких родинок и шрамов не разглядеть. У Соньки был небольшой шрам от ножа на левом виске, в основном скрыт волосами. Но даже его не было видно.

Фехтовальщик был легендарной местной фигурой, которой пугали детей и взрослых, причем последние боялись куда больше детей. Жертв маньяка находили изрезанных ножом с десятками неглубоких ранений и огромной потерей крови, отсюда и прозвище. Официально речь шла о двадцати двух телах, но народная молва приписывала ему еще четыре трупа на территории Комаровска и пригородов. Фехтовальщик стал неотъемлемой частью местного фольклора, его описывали, как среднестатистического автовладельца, больше о нем ничего достоверного не было известно. Некая гадалка прославилась на две недели тем, что утверждала, что его зовут Константин – ей так карты сказали. Было бы куда удивительнее, если бы они ей сказали, что зовут его, к примеру, Рикардо. Раз а три арестовывали разных людей, и всякий раз подозрения не подтверждались: то через день после ареста появлялся свеженький труп, то подозреваемый последние полгода провел за рубежом и имел алиби на многие случаи, то еще что. Поэтому вопрос взаимосвязи Софьи и Фехтовальщика оставался открытым до скончания веков. Зато было ясно, что Николай Смолин не Фехтовальщик, ибо убийства продолжались и после его смерти. Хоть какая-то определенность.

Ужин закончился заверением Эльвиры, что она от своего не отступится и обязательно найдет убийцу матери. Это заявление было воспринято довольно равнодушно, и семейство, в кои-то веки мирно посовещавшись, решило отменить дежурства в ночи, после чего завалилось спать еще на старые спальные места за неимением новых.

Утреннее состязание «кто быстрее съест завтрак» завершилось неожиданной победой Лидии, обскакавшей Эльвиру на полбутерброда, что позволило ей не маяться завтрашним утром. Подрались только Аркадий с сыном из-за очередности мытья рук, поэтому завтрак прошел в довольно благоustной обстановке. Ни малейших попыток провести следствие не предпринималось, потому что нужно было позавтракать и не опоздать на места отбывания учебы и работы. Поэтому допросы откладывались до вечера.

Нормальные люди в подобной ситуации были бы напряжены, как атлеты перед стартом, но Смолины пребывали в блаженной расслабленности, и вопрос о том, кто из них пятерых убийца, их почти не задевал. Подумаешь, убили Зло, так ведь кто-то из своих, остальным можно не волноваться.

Диана восприняла солнце за окном как хороший знак. Она вообще была довольно суеверной и падкой на символы. На экзамены она всегда одевалась определенным образом, всегда переступала через канализационные люки, а также воспринимала погоду как союзника. Одно время ей казалось, что легким движением руки она может управлять ветром, и серия экспериментов на аллейке имени космонавта Комарова подтверждала ее правоту. Она знала, что ее головная боль приманивает ветер. Затем ей стукнуло в причесанную голову, что тучи можно разгонять свистом, что она небезуспешно делала в течение пары лет. Несколько раз ее затеи проваливались, но она списывала это на усталость. Но когда неудачи стали частыми, она поняла, что природа требует жертв. Прислушавшись к шелесту травы и деревьев, она даже поняла, что именно нужно делать.

Диана смотрелась в старую полированную дверцу шкафа (зеркал дома не было, ибо их можно разбить и использовать осколки в драке) и завязывала на шее шарфик. Всякий раз, когда она видела себя в зеркале, ее одолевали неприятные воспоминания. Вот и сейчас ей в голову настырно полезло недавнее прошлое. В подростковом возрасте она заметила, что ее голос похож на голос Зла. Мучительно преодолев суицидальный порыв, Диана решила сделать операцию по изменению собственного голоса самостоятельно. Ну, неразумная она была, моло-

дость, как-никак. Разумеется, кончилось все уродливыми порезами, потоками крови и вызовом врачей вскоре после грандиозного скандала. Ее даже привели в сознание, чтобы наорать на нее и пару раз пнуть. С тех пор ей приходилось чем-нибудь прикрывать шрамы. Свитера с воротником под горло ей не нравились — она считала, что такая одежда подойдет разве что неудавшимся висельникам. Носила она довольно обыкновенные вещи, обычно оставлявшие открытой шею. Шарфик стал деталью, придававшей ей особый шарм. Объяснить наличие шрамов можно было чем угодно: упала в детстве, попала в аварию, и много чем еще, но объяснять она не любила — бабкин голос напоминал о себе каждым звуком. Поэтому Диана слыла молчуньей.

Стас пошел в школу, исполненный задумчивости: это состояние было ему почти незнакомо и слегка пугало. Связано оно было с убийством. Он определенно что-то слышал той ночью: какую-то возню. Если поднапрячься, то можно что-то вспомнить. Другой вопрос, надо ли это делать? Одна лишь мать хочет найти убийцу: все остальные в душе готовы отдать последнюю рубашку за убийцу. Если все замкнется, следствие угаснет само по себе. Решено: он все вспомнит для себя, просто из интереса, а матери не скажет. Тогда все успокоится. Возможно, они даже купят нормальную мебель...

Впервые Лидия надела свой черный пиджак в мелкий белый горошек, который был куплен для того случая, когда хоть что-то изменится к лучшему. Пиджак немного вылинял, но смотрелся презентабельнее своей хозяйки. Некоторые придерживались странной точки зрения, что пиджак не в горошек, а в чешуйки, но эта спорная мысль останется на их совести.

Весь урок истории Лида потратила на пересказ Кате домашней эпопеи, не умалчивая факта убийства. Проблемы сближают людей и заставляют доверять друг другу. Плюс к этому Лидия ощущала себя виноватой, что у нее кошмар закончился, а у Кати он в самом разгаре. Две ночи подряд она провела на чердаке Тайного дома, так как брат принял ее за наемника террористов, который должен его похитить, и кидался на нее с обрезком трубы (пятикилограммовые гантели потерял, когда ломился к соседям). Ей пришлось спешно бежать. Теперь она питалась в школе раз в сутки и несказанно обрадовалась приходу Лидии, у которой всегда водились карманные деньги.

— Для счастья мне нужно хотя бы двухразовое питание и чтобы брата положили лечиться. Он же весь дом разнесет. Больше калорий — лучше жизнь.

— Держи, — Лидия протянула всю наличку. — С возвратом не тороплю.

— Спасибо! — Катя торопливо спрятала деньги. — Верну с зарплаты. Не, ты все-таки настоящий друг!

Катя подрабатывала промоутером, раздавая по выходным листовки на улицах. Эффектная внешность делала ее ценным сотрудником. Лидия имела достаточно доходов от родителей и пока не работала.

— Хотя если он разнесет квартиру соседей, я была бы рада, — пробормотала Катя.

— Спровоцируй. Скажи, что глава террористов там сидит. Или что там склад новеньких гранатометов. Или что там три кило спор сибирской язвы.

— Нет, там по его мнению больница, и он туда не хочет.

— Надо было нанять его, чтобы избавиться от Зла.

— Сама-то как думаешь, кто вашу бабушку прикончил?

— Не знаю. Явно не мама — она хочет провести расследование. Или так маскируется. Но она всегда была Служителем Зла — ухаживала за ней изо всех сил и постоянно огребала костылем.

— Вторая парта! Дневники заберу! — гаркнула историчка. — Что вы там обсуждаете?

В правду она бы не поверила и пришлось бы врать, поэтому пришлось сделать виноватый вид. Это умеет делать каждый, кто получил хоть какое-то воспитание.

— Не думаю, что ты ее прикончила, — продолжила Катя вполголоса.

– А если я? Вдруг? Что тогда?

– После твоих рассказов о ней я сама хотела ее прикончить. Мне не принципиально, ты это сделала или нет.

– Если б это была я, то я сама бы не удивилась, – мрачно сказала Лидия. В ее памяти было свежо воспоминание, как Зло прицельно метило костылем в ее очки, но она успела уклониться.

– А вдруг это и вправду я?

– И что дальше? Что тебе положить в передачку в тюрьму?

Лидия чуть не пошла пятнами от радости.

– Предлагаю развеять тоску. Как насчет манипуляций на этой перемене?

Манипулирование людьми было любимым увлечением Кати и Лидии, кстати говоря, шахматы они недолюбливали, ибо с живыми людьми было куда интереснее. Кому первому пришло в голову начать, они уже не помнили. Суть развлечения сводилась к следующему: выбирался объект манипуляций, которому нужно было исподтишка навязать нужное действие. Развлечение, безусловно, аморальное, но давало замечательный опыт познания характеров людей и их слабых мест. На этот раз было решено сподвигнуть директора к проверке внешнего вида.

Директором был мужчина потрепанного вида (под стать вверенной ему сорок четвертой школе), искренне полагающий, что школьная форма автоматически улучшает успеваемость. Лидия также искренне недоумевала, почему костюм похоронного цвета должен сделать ученика прилежнее и повысить уровень культуры. Будь так, великие ученые носили бы разом десяток костюмов. Вдобавок, будучи без очков, она воспринимала людей в парадной форме как пингвинов: белое брюхо и черные конечности. Поэтому маниакальное стремление превратить всех в милых антарктических птичек казалось ей забавным.

Директора звали Юрий Михайлович, и был он ответственным человеком средних лет, даже отчасти обаятельным, только излишне зацикленным на внешнем виде учеников. Он частенько проводил рейды по внешнему виду, на что уходило иногда по двадцать минут урока. Высиживать физику полностью не хотелось ни Лидии, ни ее подруге, поэтому решено было повлиять на главу школы исподтишка. Настоящей власти не видно, поэтому серые кардиналы обычно преуспевают. Катя верила, что задумка увенчается успехом, поэтому они поспорили на один школьный бесплатный обед. Лидия придерживалась иного мнения исключительно ради того, чтобы проспорить обед. Сегодня в столовой давали картофельное пюре, котлету, похожую на тушканчика в панировке, а также напиток. Под этим словом столовая подразумевала желтенькое пойло, с мутью на дне и ужасно сладкое. Всякий раз едоки препирались, что это, чай или компот. Люди экстремальных воззрений уверяли, что это отвар из сушеных ножек тараканов или комариных крыльев. Работники загадочно улыбались и не комментировали. В конечном счете напиток прозвали «чай-компот» и не вдумывались в его состав. Но, как бы то ни было, столовские обеды были весьма сытными. Главное, не вдумываться, что дают. Недавняя история с «кексами с изюмами» еще была жива в пересказах. В буфете продавали вкусные кексы, которые все расхвалили друг другу. И один из покупателей произнес роковую фразу:

– А дайте мне кекс с изюмом.

– У нас нет с изюмом, – ответила пожилая буфетчица, все еще добрый и отзывчивый человек, несмотря на жизненный опыт.

– Как нет, вон же справа лежат, – встрял друг покупателя, который уже ел кексы.

– Эти, что ли?

– Ну да, я на той перемене три съел, уж очень вкусно.

– Так это ж просто кексы. Нет там изюма, – сообщила буфетчица, не подозревая о назревающей сенсации.

– Как нет? А что за черные штучки в нем?

– Не знаю, но точно не изюм.

Распродать успели весь запас, кроме двух кексиков, которые доели кошки дома у буфетчицы. Никто, включая кошек, не пострадал.

Едва прозвенел звонок, как операция началась. На переменах директор обычно бродил по коридорам, дежуря по доброй воле, и это изрядно облегчало задачу.

Из средств в распоряжении манипуляторов была запоминающаяся внешность обеих, смотревшихся вместе, как Эсмеральда с овцой. Впрочем, они и порознь привлекали внимание.

Растрепанная Лидия сняла черный пиджак в горошек, оставшись только в футболке и демонстративно обсуждала с Катей, что ей будет за якобы забытую сменку. Катя не менее громко предостерегала ее от подобных разговоров в присутствии начальства. Сама при этом размахивала сумкой, отчего первоклассники в целях самосохранения вжимались в стены. Директор, как и было задумано, услышал разговор от начала до конца и неодобрительно проследил взглядом за лохматой Лидией и ее подругой, чья юбка была короче, чем полагалось. Сильно короче. Сантиметров на десять.

Со сменки разговор почему-то перескочил на выходки Катиного семейства.

– Мать решила купить супердорогой крем, говорит, лицо в последнее время стало «хреновое».

– Так и говорит?

– Передаю в точности.

– Купила?

– Купила... Ухлопала на него все деньги, зато самогон купить не на что. Трезвая и с кремом на лице. Отец тоже трезвый, без крема, зато с рогаткой.

– С чем?

– Нашел на улице рогатку, теперь дома пуляет бумажными шариками.

– Главное, что не подшипниками.

Хорошо, что Юрий Михайлович не слышал эту часть разговора. Ему хватило и первой. Кажется, он давно не проводил рейдов в обнаглевшем девятом классе... Вон одна ходит как проститутка, юбка не юбка, а одно название, а вон приплясывает Оксана с ирокезом грязно-цыплячьего цвета. Срочно нужно все взять под контроль.

– Не, не клонет, – убежденно сказала Лидия, вложив в эту реплику весь свой артистизм. Жизнь в семье научила ее врать легко и правдоподобно. Иногда даже вдохновенно и с удовольствием.

– Посмотрим.

Через пять минут после начала урока явился проверяющий. Лидия облегченно выдохнула: все-таки истинной целью этой манипуляции было накормить голодающую жертву чужого алкоголизма, а не отточить навыки кукловода.

Придирки к юбке Кати даже не начались: на перемене она попросту сильно подтянула юбку, получив тем самым вульгарный эффект, а перед уроком вернула ее на прежнее место. Лидия же пригладила волосы и приобрела почти разумный вид.

А после школьного обеда они направились на чердак Тайного дома. Лидия чувствовала бы себя последней свиньей, если бы перестала туда ходить.

Отбыв уроки, Стас направился в знакомый двор к пацанам, с которыми играл в карты. Обычно ему везло, и он почти всегда выигрывал. Пожалуй, это было его единственным талантом. Со школьным обучением у него не вышло: читать целыми словами он начал только в четвертом классе, а свое знакомство с системой образования считал досадным недоразумением. Самого себя он считал неглупым (иначе бы не выигрывал в карты), но ленивым. Впрочем, умному человеку позволительны некоторые слабости.

После нескольких партий, сопровождавшихся алкогольными возлияниями, он слегка захмелел, что сказалось на способности играть. На этот раз задолжал он. Всем.

– Расплатись до конца недели, – заявил он. Глава местных гопников, которых он считал друзьями, сплюнул и затыкнулся мятым окурком.

– Смотри мне... Не успеешь – проценты накапают. Как в банке, понял?

– Понял, понял. Сказал же, что все верну – значит, так и будет.

– А отыграться не хочешь? – спросил парень в черной кепке, сидящий по левую руку от Стаса. – Глядишь, и долг уменьшится.

На тот момент Стасу казалось, что выплатить требуемую сумму он сможет только за три месяца, поэтому он ожидаемо ухватился за последнюю соломинку.

– Сдавай, – решительно сказал он. Таким тоном судьи обычно произносят «Виновен!».

К вечеру долг вырос до размеров, сопоставимых с бюджетом семьи Смолиных на три-четыре месяца. Сам проигравший в мировом рейтинге богатых людей был где-то в конце пятого миллиарда. Стас с трудом отмахался от назойливых предложений сыграть еще и направился домой, не обращая внимания на еще теплое октябрьское солнце. Голова его была занята вопросом добычи денег. Его зачатки хватит максимум на одну десятую часть погашения долга. Если привлечь зачатки сестер, взять в долг у школьных приятелей, то даже в самом лучшем случае хватит на половину долга. Ситуация безвыходная, денег взять неоткуда, хоть почку продавай. Вот только чью?

В голове барахтались сумбурные мысли и их клочки: где взять деньги, кто убил бабу, как выкрасть зачатку сестер, не оставят ли его на второй год и многие другие, поэтому Стас находился в легкой прострации, наблюдая за процессом мышления как бы со стороны. Мысли сталкивались и трансформировались, из них образовывались новые, и все они были в вопросительной форме. Хоть бы один ответ появился, так нет же!

Предсказуемо не заметив ухаб, он споткнулся и чудом устоял на ногах. И в этот миг все встало на места: и то, почему он проснулся в то утро на полу, а не на холодильнике, и почему все дружно проспало время ночного сверления, и кого именно он слышал ночью. Более того, он понял, кто именно убил бабу.

А раз понял, то это знание может выручить его в щекотливой ситуации. Убийца наверняка не станет жмотиться и отстегнет много денег, из тех, что не были потрачены на снотворное, подмешанное в еду.

Настроение резко улучшилось, хмель почти выветрился, и Стас впервые за всю жизнь захотел побыстрее добраться до дома. Какая ирония судьбы: ему нужны деньги убийцы, который сделал благое дело, прикончив домашнее Зло, и именно поэтому он спешит домой.

Глава 3

Эльвира отработала весь день, не выходя из состояния задумчивости, равно как и ее сын. Ясно, что мать не сама закололась шприцом и положила поверх противогаса кусок зеркала. А вилка в дверном косяке ни в какие ворота не лезет — поэтому факт убийства и глумления над семьей налицо. Кто-то считает себя Смолиным, и при этом надругается над людьми и заведенными порядками. И неизвестно, что из этого хуже, потому что люди приходят и уходят, а неуважение к традициям — черта постоянная.

Той ночью она спала очень крепко, как, впрочем, и всегда. Ровным счетом ничего не слышала. Даже сны не снились. Однако не могли же заколоть покойную бесшумно — во-первых, она должна была сопротивляться или хотя бы издать какие-то звуки; во-вторых, убийца должен иметь определенно железные нервы, чтобы уснуть или достаточно хорошо притворяться спящим. Либо никто не слышал произошедшего. Неужели всем подсыпали снотворного?! А как же полный запрет на хранение лекарств дома?! Какая чудовищная наглость!

Логика никогда не была сильной стороной Эльвиры, скорее, она хромала и была почти на инвалидности. Но созданные умозаключения были для нее уже достаточными, поэтому Эльвира, ободренная и вдохновленная, поехала домой, подгоняемая не обычным желанием спать, а, для разнообразия, поесть.

Аркадий угрюмо высчитывал зарплаты сотрудников, но краем мозга раздумывал об убийстве. Есть ли смысл искать убийцу, когда жизнь наконец-то стабилизировалась? Но его жена обладала упрямством типичных Смолиных, поэтому отговорить ее не так уж легко. Допустим, они найдут того, кто это совершил — Аркадия зябко тряхнуло — и что дальше? Сдадут полиции? Невозможно, ибо остальные сядут за сокрытие факта преступления. Или подвергнут убийцу самосуду? Да никто не станет причинять зло своему спасителю. Затея с поиском убийцы не имеет конца, поэтому нет смысла начинать эту историю.

Что можно сказать о преступнике? Злобный, хладнокровный человек. Типичный Смолин. Извне никто не мог проникнуть — окна забраны решетками и фольгой. Аркадий не удивился бы, если бы ему сказали, что он сам убийца, как и прочие члены семьи. Вообще, если бы бабуку убили всей семьей, это был бы самый простой вариант. Но кто-то лишил остальных подобного удовольствия, каков подлец.

Закончив работу, он охотно стал собираться домой.

— Никак вовремя уходите? — спросила Вера Михайловна, его коллега.

— Ага.

— Непохоже на вас.

— Я решил вас удивить, — улыбнулся Аркадий, едва ли не впервые за последние годы. —

Всего хорошего.

И ушел, не понимая своего состояния. Вскоре он сообразил, что странное чувство — это хорошее настроение. Когда-то в молодости оно у него бывало. Интересно, бывало ли оно у Смолиных?

Дома раньше всех пришедшая Диана остервенело продолжала наводить порядок, выбрасывая детские вещи Эльвиры, критические статьи по русской классике, изданные в середине пятидесятых, конспекты уроков, которые бабушка вела еще в начале своей карьеры школьного учителя литературы, а также прочие сотни вещей, захламлявшие хрычовник Смолиных целыми десятилетиями. Она нашла некую банку с мутной жидкостью внутри, что это было, ни одна наука не сказала бы. Диана внимательно взгляделась в мать. Банку закрыли, вероятнее

всего, лет двадцать назад, и там вполне могла самозародиться жизнь. Главное, чтобы эта жизнь потом не паялилась сквозь грязное стекло. На выброс ее, пока не паялится..

Шарфик сбил на сторону, и она автоматически его поправила. К шарфику она привыкла также, как к постоянному молчанию. Удивительно, но в повседневной городской жизни можно легко обходиться без речи. В супермаркете, в транспорте, да просто на улице никто не заметит, что человек не разговаривает. Диане это было только на руку. Пользоваться голосом нужно было только на учебе, но и там оказалось нужно в основном записывать лекции, а общаться с одногруппниками почти не приходилось – место общения заняло всеобщее ковыряние в телефонах. По мнению Дианы ковыряние в носу было куда более экономичным занятием, для этого не надо покупать дорогую технику.

Вернувшийся Стас выглядел взвинченным и довольным.

– Слышь, осталась жратва с утра? – обратился он к бессловесной сестре. Та пожала плечами.

– Молчишь, да? – развязно начал он, выдыхая алкогольные пары. – Комплексуешь? Хочешь, я тебе сам сделаю операцию?

Диана мягко отстранила его (с физически сильными и агрессивными вообще нельзя грубо обращаться) и отправилась выносить на помойку вещи. Стас остался бесноваться на пустом месте.

Приготовление ужина всегда было обязанностью Эльвиры, это было еще одной семейной традицией. Даже с вывихнутой рукой (из-за драки с матерью, когда та еще ходила), она все равно готовила, поскольку так заведено. Традиция такая. И никакие болезни не могут быть помехой ужину. Даже когда Диану скрутил флегмонозный аппендицит, ее все равно заставили есть. Чтобы не нарушать традицию. Потом, конечно, вызвали «Скорую», но только после того, как она поела. «Скорая» возмутилась жестоким обращением с ребенком, но бабка закатила такой скандал, что врачи ретировались, чуть не забыв забрать с собой Диану.

Вернувшаяся мать семейства решительно заявила:

– Пока не найдем убийцу, ужина не будет.

Стас приуныл, да и остальные не обрадовались.

– Кто сознается сам? – грозно продолжила Эльвира. Эту модель поведения обычно используют строгие классные руководители. Но вялым упитанным амебам она была не к лицу, как подумал Аркадий.

– Раз никто не сознается, предлагаю не искать вообще, – сказал Аркадий. – Лучше поесть, чем искать преступника.

– Вам бы только брюхо набить! – огрызнулась Эльвира. – Скажите, кто ее убил, и я пойду готовить еду. В чем проблема?

«Она в своем уме?» – подумала Диана. Отблеск чего-то в ее руках ей подмигнул, и она поняла, что даже старый хлам с ней согласен. А мать все продолжала допытываться до личности убийцы. Глядишь, кто-нибудь особо голодный сам приготовит еду, тем самым ломая традицию. Интересно, убьют ли его за это?

– Может, мы поедем, а потом продолжим расследование? – жалобно предложила Лида, проспоришившая свой обед. – На сытый желудок легче искать убийцу.

Эльвира согласилась, но предупредила, что оказывает такую услугу в первый и последний раз. Все вздохнули с явным облегчением. Диана жестами показала, что остальным тоже не помешает поучаствовать в ликвидации последствий жизни бабушки, и семейство засуетилось подобно муравьям.

Совместный ужин (пережиток мрачного прошлого) прошел в молчании. Уставшие участники этого мероприятия быстро ели сосиски и яичницу, запивая кипятком.

– Давайте больше не пить кипяток. Это же не нам надо, – предложил Стас.

– Нет, – отрезала мать. – Так хотела бабушка, а она всегда была права. И теперь нам ее не хватает.

Последняя фраза прозвучала категорично, и с ней лучше было согласиться. Конечно, всем не хватает бабушки, ведь так скучно, когда никто не бьет костылем и не орет по несколько часов подряд. Больше никто не возведет издевательство в ранг искусства.

– Нам ее не хватает, и нам надо знать, кто виноват в этом, – продолжила Эльвира.

– Плохая идея, – сказала Лида.

– Мнение менять нельзя просто потому, что оно твое, даже если ты осознаешь его неверность. Мнение – единственное, что принадлежит тебе. Если от него отказаться – значит, предать самого себя, и тогда у тебя ничего не останется.

Против такой логики пойти невозможно, и Лида затихла.

Методы расследования Эльвиры сводились к бесконечным мольбам сознаться самостоятельно. Даже не будучи убийцей, все равно хотелось признаться, лишь бы Эльвира перестала канючить.

– Давайте поступим иначе, – предложил Аркадий, изрядно утомленный нудным следствием. – Каждый припомнит, что слышал или видел в ту ночь. Я слышал какую-то возню.

– Я упал на пол и даже не заметил этого. Обычно я ощущаю, когда во сне падаю с холодильников, – заявил Стас.

– Я вообще ничего не помню, – созналась Эльвира. Можно подумать, ей вообще свойственна интеллектуальная деятельность.

Диана энергично закивала на этих словах, что означало, что она также ничего не помнит.

– А я помню шорох, будто кто-то шаркал по полу, – добавила Лида.

– Из всего этого мы делаем вывод: кто-то из присутствующих здесь, возможно, не врет, – подвела итог Эльвира и подумала, что взвалила на себя нелегкую ношу. Но ведь нельзя отказываться от своих решений, пусть и неверных! Ведь тогда даже следов твоей личности не останется...

– Давайте проверим, кто проще и легче мог воспользоваться шприцом, зеркалом и вилок, – сказала Эльвира. – Шприцы по роду службы положены Диане.

Названная дочь выразительно покрутила пальцем у виска, мол, не в ее стиле так глупо подставлять саму себя.

– Убийца поиздевался над принятыми у нас порядками. Колющие вещи у нас под запретом, равно как и яд из шприца. Зеркал и вилок мы попросту не держали. Значит, это действие было задумано заранее, прокручено в голове и реализовано.

Никто не подозревал, что апатичная и вечно спящая Эльвира способна не только мыслить, но и приходить к логичным выводам, пусть даже и примитивным.

– Диана, ты куда дела орудия убийства? – спросил отец. – Выбросила?

Кивок.

– По орудиям мы ничего не определим, даже если бы они были у нас в руках, – сказала Эльвира, чем вызвала дружный вздох: оказалось, в состоянии бодрствования она была редкой занудой. – Нужно искать, кто точно хотел ее убить.

– После минуты общения с ней у любого возникало чувство, что над ним издеваются. Легче сказать, кто не хотел ее смерти, – сказала Лида, в голове которой крутились неврозы и фобии из справочника, которые уже давно запали ей в душу. С их помощью можно выйти на новые уровни манипуляции людьми.

– У всех были с ней серьезные конфликты, – добавил Стас, стараясь незаметно поглядывать на убийцу. – Например, у...

– У всех, – закончила за него Лида. – Вспомните, что было ровно за неделю до ее смерти.

Тот день был ужасным. Каждые полчаса были новые моральные травмы. Тогда Диана едва не сломала Священную Спичку. Сжала ее пальцами, почти слыша ее хруст, но решила, что

наверняка бывает хуже, надо только подождать минут десять. Она положила Спичку обратно и закрыла дверцу тумбочки. А бабка завывала, хлестала дочь клюкой, крича, что ее толкнули, оттого-то она и не ходит, а еще, что ее травят ртутью в супе и облучают по ночам, потому-то ей так плохо. Помимо этого, она очень громко высказывала желание повесить зятя, посадить в тюрьму Стаса, за то, что якобы подливает ей в еду ртуть, не кормить Лиду, ибо она лишняя, а также пытать Диану, чтобы она наконец-то заговорила. Самое интересное, что шестичасовой скандал был вызван лишь тем, что Служитель Зла просто подвинула мешавшуюся на пути тряпку поближе к бабке. Она решила, что на ее вещи покушаются, и заверещала страшным голосом. Все это время Аркадий пытался читать газету, Эльвира – делать уборку, Диана – заучивать анатомию, Лида – читать справочник, а Стас – отжиматься. Вопли закончились неожиданным образом: Стас сообщил, что уже десять вечера. Эльвира предложила доругаться завтра, а то уже спать пора. Бабка согласилась и заткнулась. Традиционная беготня перед сном, судорожная чистка зубов и драка за очередность в туалет придали вечеру легкий флер нормальности...

От воспоминаний отвлек голос Эльвиры:

– Итак, к завтрашнему дню каждый должен представить имя убийцы, – сказала она, направляясь к своему продавленному дивану.

– А если дадут ошибочное имя?

– Будем разбираться, – сказала она, легла и почти моментально уснула. Действие это произошло очень быстро, и никто не успел толком среагировать.

Стас направился в комнату (дети Смолиных все еще жили втроем, а вход в «музей» был завален барахлом на выброс, которое определенно втихаря размножалось и забивало свободное пространство). Что ему сделать: указать на убийцу, чтобы тот испугался или сделать вид, что ни о чем не догадывается? Дилемма подогревалась острым вопросом карточного долга.

Как среагирует убийца на то, что на него покажут? А остальные как поступят? Будет ли кто-то вести мыслительную работу, вычисляя преступника?

Сплошная неопределенность.

А если допустить, что он покажет на случайного человека? Если каждый покажет на случайного человека? Если кто-то покажет на него?

Те же вопросы обуревали и остальных. Диана твердо решила, что укажет на первого попавшегося, и ее сестра придерживалась того же мнения. Аркадию стукнула в голову некая хитрая комбинация, и он точно определил, на кого укажет. Эльвира просто-напросто уснула. Однако, надо отметить, что после убийства сон одолевал ее уже не три четверти дня, а всего половину. Похоже, никогда ранее не виденная свобода постепенно завоевывала место в ее душе. Такими темпами она и в географию поверит, хоть это и ересь.

Стас решил даже не симулировать приготовление уроков — все равно никто не смотрел, чем он занят. Он с чистой совестью начал кланчить деньги у сестер. Если Диана ограничилась отрицательным качанием головой, то с Лидой ему пришлось поспорить.

– Да нет у меня денег!

– Куда ты их девашь? Жрешь? Слышь, колись!

– Не твоё дело. Даже если бы они были, я бы их тебе не отдала.

– Дети, заткнитесь, – устало попросил Аркадий. Он сидел на столе спиной к стене и изучал объявления о продаже подержанных автомобилей. Привычки пока были сильнее него.

До конца дня было всего четыре драки, поэтому кто угодно из числа Смолиных мог подтвердить, что жизнь налаживалась, и сами они стали куда добрее и расслабленнее. Спасибо убийце!

Поскольку дежурных по квартире больше не было, для утреннего подъема использовался очень громко тикающий будильник 1972 года выпуска, который Аркадий прозвал Бомбой.

Тикал он просто оглушительно, мешая спать. Но тем самым он исполнял прямую функцию – будил всех непрерывно. Не просто будил, а еще уснуть не давал.

Стас почти не спал, обдумывая все, что он слышал той ночью и все более убеждаясь в том, что переоценил свои способности и воспоминания. На скорость мышления весьма положительно повлиял карточный долг, но результаты оставляли желать лучшего.

Кто-то шуршал. Кто угодно.

Почему он не ощутил момент падения с холодильника?

Какую цель преследовал убийца, втыкая вилку в косяк? Ответ только один: поглумиться над традициями семейства. Кто мог это сделать? Кто угодно, кроме Эльвиры.

Что за вещество было использовано в качестве яда? Кто среди Смолиных разбирается в химии? Точно не сам Стас.

Почему именно в эту ночь? У кого настолько накопело, что этот кто-то решился на убийство? Тот день прошел довольно мирно. Не из чего было взять последнюю каплю. Уж Лидия точно не могла в тот день обижаться – бабка просто не заговаривала с ней. Просто целила в нее костылем, но ведь не говорила. Хотя при слабых нервах можно и на костыль смертельно обидеться.

А у кого мог быть мотив из прошлого? Разве что у Аркадия, но он не мог этого сделать, ибо она отмазала его в свое время от проблем с органами.

Никто не мог убить бабку, никто не забирался в квартиру извне, и тем не менее факт остается фактом.

Диана лежала без сна и вспоминала, при каких обстоятельствах привела домой Владимира Микулина. Это было в общем-то забавно, если смотреть со стороны.

Когда бабка упала в припадке злобы и повредила ногу, ее с огромным скандалом уложили на чемоданы. Поскольку перемещаться самостоятельно она больше не могла, а нога болела, нужен был врач.хлопоты по его розыску взвалили на Диану. Из поликлиники никого вызывать не стали, предпочитая найти кого-то по знакомству. Предполагалось, что Диана воспользуется связями (и плевать, что их не было) и приведет лучшего врача. Она не спорила. Она знала, как можно выкрутиться; в конце концов, воспитание в семье просто обязывает уметь выкручиваться отовсюду. Отблеск от фольги на окнах уверил Диану, что так оно и будет. Свет попал ей прямо в глаз, и она восприняла это как сигнал. Значит, она блестяще выкрутится.

Утром она договорилась с одним из пациентов ожогового отделения, который уже выпивался. Его звали Владимиром Микулиным, и ему было около двадцати пяти лет. Он оброс щетиной за время пребывания в больнице и стал казаться старше. Он имел глупость проявить симпатию к Диане. Она была самым толковым человеком во всем отделении: лишнего не говорила, была красивой, и вид имела интеллигентный. Грех не приударить за такой.

Каких усилий ей стоило договориться с ним, подумать только! Во-первых, ей пришлось разговаривать. Во-вторых, ей пришлось рассказать о происходящем дома. Микулин согласился сыграть роль травматолога явно из интереса. А в-третьих, и это уже было выгодно, он неоднократно намекал на то, что Диана ему нравится. Не желая связываться с кем-либо, она решила показать ему семейство, чтобы выбить из него всякую симпатию к ней, а заодно и к человечеству в целом.

Спектакль был разыгран как по нотам: Микулин пришел в свитере и со стетоскопом, без которого травматолог легко может обойтись. Он был очень вежлив и особо приветствовал Зло, которое по такому случаю даже отставило заготовленный костыль. Не каждый день с ней вежливо здоровались, так что повод для разоружения был. Она постаралась компенсировать свою безумную натуру приличным поведением. В рамках медицинского спектакля он попросил Зло коснуться кончика носа указательным пальцем, предварительно закрыв глаза. Якобы нужно для проверки неврологических реакций. На самом деле ему просто было интересно. И он не

прогадал. Старуха с размаху шлепнула себе в лоб кулаком, не закрывая глаз, после чего гордо взглянула на Владимира. Он одобрительно покивал, во многом ради самосохранения.

Владимир был как сто долларов – всем сумел понравиться. Даже Злу. Диана, глядя на него, думала, что кому-то повезет быть с Владимиром в браке, но тут же усмехалась: это точно не для нее. Семьями она сыта по горло. Она еще много чего думала, пока Микулин осматривал ногу Зла. Он послушно сказал, что у нее была сломана шейка бедра. Конечно, без рентгена ни один травматолог не скажет ничего подобного, но Смолины должны были поверить. У него была невообразимая наружность. Выглядел он очень презентабельно, Диана из личной симпатии могла бы присвоить ему титул «Мистер Вселенная», потому что он был высоким, крепким, с резкими чертами лица и короткими черными волосами. Идеал мужчины с точки зрения большинства женщин.

Ради справедливости можно сказать, что Смолины тоже подготовились, спрятав подальше самые заплесневелые вещи. Пол протерли, но без усердия, поэтому в некоторых местах к нему все еще можно прилипнуть. Эльвира попыталась приготовить что-то более торжественное, чем обычно, в итоге добилась неплохих результатов в пиротехнике и кулинарии разом, все в пределах одного блюда. Стало вонять гарью, а Эльвира бросилась варить сардельки. Аркадий выбросил предыдущее кулинарное бесчинство.

Выдавая себя за знакомого травматолога Дианы, он был вынужден познакомиться со всеми. Заодно он всерьез заинтересовался спортивными успехами Стаса, по его лицу поняв, что умственных успехов тот не достиг. Также он проявил живое любопытство в вопросах медицины и химии, чем несказанно обрадовал Лидку. Та в двух словах рассказала захватывающую историю о пиролизе некоей натриевой соли, сумев передать все душевные терзания распадающегося соединения. Микулин слушал с видимой симпатией к рассказчице, применив все свои актерские таланты. Но Лидия не торопилась его отпускать и зарядила новую историю, на этот раз о ходе первой эпидемии лихорадки Эбола. Откуда она ее выкопала, оставалось только гадать. Диана беззвучно смеялась, прикрыв рот шарфиком.

– ...И вот тогда президент, не понимая, в чем дело, отдал приказ оцепить весь район! Весь, представляете?! Армия была не в восторге, но повиновалась. Эпидемию удалось ограничить, потому что район вымер напроць, но источник вируса так и не был выявлен. Предполагают, что он где-то в джунглях, но все исследования перемещений нулевого пациента итогов не принесли...

– Какая жуткая история! – с чувством воскликнул Владимир, у которого впервые за четыре с половиной года задергался глаз. – Спасибо за рассказ. Мне, как врачу, было очень интересно. Но я еще не познакомился с вашими родителями.

– Не торопитесь... – пробормотала Лидия, подозревая, что добром это не кончится. Но гость был непреклонен в своем решении и удалился в район санузла, где побеседовал с Эльвирой, которая по такому случаю постирала свой синий халат, который был ровесником старшей дочери.

– Я знаю, что у нас семья немного такая... – начала Эльвира.

«Вы бы знали, насколько».

– Нет, нет, ничего особого. Лежачие больные серьезно меняют весь уклад жизни, особенно в начале болезни.

– Рад, что вы нас понимаете, – фальшиво улыбнулся Аркадий, не собиравшийся строить из себя радушного хозяина. Впрочем, он и хозяином-то не был, уж тем более радушным.

– Не, у нас не особо изменилась жизнь с тех пор, как она перестала ходить... – задумчиво протянула Эльвира, мысленно перебирая последние однообразные пятьдесят лет, а предыдущие пять лет она особо не помнила.

– Хорошо, что вы так позитивно все воспринимаете, – улыбнулся Микулин, борясь внутри с ужасом и истеричным хохотом. Теперь он не будет смотреть фильмы ужасов. Их неправильно снимают. Когда среди ужаса появляется что-то забавное, тогда еще страшнее.

Вежливо беседуя со всеми по очереди, он был вынужден участвовать в совместном обеде, состоявшем из сарделек, белого хлеба и сахарного печенья, немного запыленного. На божественную амброзию не особо походило, но мать семейства считала иначе.

– Сардельки слегка лопнули. Извиняйте, – сказала Эльвира со вполне аристократической улыбкой без двух зубов, подавая железную миску, в которой лежали две потрескавшиеся сардельки. Есть их предполагалось ложкой. Какая-то карательная кулинария, подумал Владимир. Аркадий деликатно смахнул на пол тряпку для вытирания крови, чтобы в глаза не бросалась и мило улыбнулся.

Микулин вовсе не жалел, что пришел к Смолиным. Где еще можно найти такой цирк? Да еще и с бесплатной кормежкой. После больницы аппетит был просто волчьим. Он взглянул в тарелку и подавился вопросом, что за пакость там лежит, желание что-нибудь съесть пересиливало даже брезгливость.

– Совсем забыла вам водички налить! – вяло всплеснула руками Эльвира, также вяло поднялась и налила ему полкружки крутого кипятка, который почему-то пенился и был не очень-то прозрачным. Лучше было пить не глядя.

Разговор касался в основном трудностей ухода за лежащими больными и ликвидации возможных пролежней. Выкрутиться было сложно, пришлось припоминать обрывочные сведения на этот счет. В итоге Аркадий каким-то чудом сумел перевести разговор на тему, как варить сардельки, чтобы они не трескались. Авторитетного мнения на этот счет он не имел, к несчастью. Владимир тоже, но он предположил, что их не стоит варить слишком долго. Ему еще повезло, что на обед не было яичницы, после которой потребность организма в яичной скорлупе полностью удовлетворена. Что уж говорить про кашку, состоящую из слизи. Наконец, высидев с полчаса, он засобирался, понадеявшись не участвовать в светской беседе о вывозе мусора на полигоны твердых бытовых отходов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.